

—· Артур Конан Дойл ·—

ТОРГОВЫЙ ДОМ ГЕРДЛІСТОН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д62

Серия «Викторианский бестселлер»

Перевод с английского *И. Гуровой, Т. Озерской*
Серийное оформление и дизайн обложки *Е. Лазаревой*

Дойл, Артур Конан.

Д62 Торговый дом Гердлстон : [роман] / Артур Конан
Дойл ; [перевод с английского И. Гуровой, Т. Озер-
ской]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 448 с. —
(Викторианский бестселлер).

ISBN 978-5-17-184605-3

Торговому дому Гердлстон грозит разорение из-за поспешных и рискованных вложений его владельца. Чтобы удержать фирму на плаву, корыстолюбивый и лицемерный Джон Гердлстон решает женить своего сына Эзру на богатой наследнице. Выбрав в качестве невесты сироту Кэт Харстон, отец и сын намерены во что бы то ни стало присвоить все ее деньги...

«Торговый дом Гердлстон» — один из ранних романов Дойла, в котором явно прослеживается влияние Ч. Диккенса, а также искусно переплетаются захватывающая интрига — с неожиданными поворотами сюжета — и трогательная история любви.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-184605-3

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2026
© Перевод. Т. Озерская, наследники, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава I
**ДЖОН ХАРСТОН ЯВЛЯЕТСЯ
В НАЗНАЧЕННЫЙ СРОК**

Вход в контору фирмы «Гердлстон и К°» не слишком величествен и ничего не говорит непосвященным о солидности и богатстве этого торгового дома. Почти на самом углу широкой оживленной улицы, ярдах в двухстах от станции метрополитена «Фенчерч-стрит», узкая дверь открывается в длинный выбеленный коридор. На стене виднеется медная дощечка с надписью: «Гердлстон и К°, торговля с Африкой» — и странным иероглифическим значком, который, по замыслу своего творца, должен был изображать человеческую руку с указующим перстом. Послушно доверяясь этой довольно зловещей эмблеме, посетитель оказывается затем в небольшом квадратном дворе, где его со всех сторон окружают двери, и на одной он вновь видит название фирмы, выведенное большими белыми буквами, а под ним словечко «толкайте». Если он последует этому лаконичному совету, то очутится в длинном низком зале, в котором и помещается контора коммерсантов, ведущих торговлю с Африкой.

В тот день, с которого мы начинаем свой рассказ, в конторе царили тишина и спокойствие. У окошечек в проводочной сетке не толклись посетители, хотя затоптанный линолеум свидетельствовал о том, что утро было весьма деловым. Туманный лондонский свет еле просачивался сквозь матовые стекла окон, и в углах собирались густые

тени. В глубине зала на высоком табурете сидел пожилой человек с утомленным лицом и что-то бормоча и постукивая пальцами, выводил бесконечные столбики цифр. Поблизости от его табурета за двумя длинными полированными конторками красного дерева шесть молодых людей, склонив головы и сгорбив плечи, казалось, бешено неслись голова в голову на скачках жизни. Любой завсегдагой лондонских торговых контор, заметив их неиссякаемую энергию и неукоснительное прилежание, сразу заключил бы, что в зале находится кто-нибудь из владельцев фирмы.

В данном случае это был широкоплечий молодой человек с бычьей шеей; опираясь о мраморную каминную полку, он листал альманах и время от времени искоса поглядывал на всех этих тружеников. Его энергичное квадратное лицо и прямая могучая фигура свидетельствовали о властном характере. Он был выше среднего роста и весьма плечист. Тяжелый, волевой подбородок, дерзкий, почти наглый взгляд, самая его поза говорили о решительности, доходящей до тупого упрямства. В правильных чертах смуглого лица и черной шапке жестких вьющихся волос было что-то античное. Но в этом классически правильном лице не читалась одухотворенность. Оно приводило на память какого-нибудь римского императора, великолепного в своей животной силе, но лишённого той особой мягкости взгляда и очертаний рта, которые свидетельствуют о богатой внутренней жизни. Тяжелая золотая цепочка поперек жилета и бриллиант, сверкавший на пальце, прекрасно гармонировали с чувственными губами и мощным подбородком. Вот каков был Эзра, единственный сын Джона Гердлстона и наследник всего его огромного коммерческого предприятия. Не удивительно, что предусмотрительные клерки прилежно гнулись над счетными книгами и трудились с усердием, рассчитанным на то, чтобы привлечь внимание младшего компаньона и показать ему, как ревностно они блюдут интересы фирмы.

Однако вскоре стало ясно, что молодой хозяин судит об их рвении отнюдь не по тому, как они усердствуют теперь. На его смуглом лице появилась сардоническая улыбка, и, не отрываясь от альманаха, он произнес только одно слово:

— Паркер!

Белобрысый клерк, примостившийся у дальнего конца конторки, вздрогнул и с испугом поднял голову.

— Ну, Паркер, кто же выиграл? — спросил младший компаньон.

— Кто выиграл, сэр? — пробормотал юноша.

— Ну да, кто выиграл? — повторил хозяин.

— Извините, сэр, я не понимаю, — сказал клерк, краснея и окончательно теряясь.

— О нет, Паркер. Отлично понимаете! — ответил молодой Гердлстон, постукивая по альманаху ножом для разрезания бумаги. — Когда я вернулся после завтрака, вы играли в чет и нечет с Робсоном и Перкинсом. Поскольку я заключаю, что вы занимались этим все время, пока я отсутствовал, то мне, естественно, хотелось бы знать, кто выиграл.

Трое несчастных усталились в свои книги, стараясь избежать насмешливого взгляда хозяина. Он продолжал говорить все тем же спокойным тоном.

— Вы, господа, получаете от фирмы примерно тридцать шиллингов в неделю. Мне кажется, я не ошибаюсь, мистер Гилрей? — обратился он к старшему клерку, который сидел в стороне от других за собственной высокой конторкой. — Да, я так и думал. Разумеется, чет и нечет — вполне безобидная и очень увлекательная игра, однако это еще не значит, что мы готовы платить такие деньги только за удовольствие наблюдать ее в нашей конторе. Поэтому я порекомендую моему отцу вычесть по пять шиллингов из той суммы, которую каждый из вас получит в субботу. В счет времени, которое вы потратили на собственные забавы в часы работы.

Он умолк, и трое грешников начали успокаиваться и поздравлять себя, что отделались так дешево, когда вновь раздался его голос.

— Мистер Гилрей, пригляните, чтобы эти вычеты были произведены, — сказал Эзра Гердлстон. — И одновременно я попросил бы вас вычесть десять шиллингов из вашего собственного жалованья: в отсутствие владельцев фирмы вы, как старший клерк, отвечаете за поддержание порядка в конторе, и, следовательно, вы пренебрегли своими обязанностями. Так позаботьтесь же выполнить мои указания, мистер Гилрей.

— Слушаю, сэр, — смиренно ответил старший клерк.

Это был пожилой человек, обремененный большой семьей, и потеря десяти шиллингов должна была значительно сказаться на воскресном обеде. Впрочем, он мог только склониться перед неизбежным, и на его худом, измученном лице появилось выражение кроткой покорности судьбе. Однако он не имел ни малейшего представления, каким образом заставить десять своих молодых подчиненных не нарушать порядка, и это сильно его тревожило.

Младший компаньон умолк, но клерки, которых он не назвал, продолжали работать с трепетом, полагая, что сейчас наступит и их черед. Однако боялись они напрасно: раздался резкий звук настольного гонга, и появился рассыльный, который доложил, что мистер Гердлстон просит мистера Эзру зайти к нему на минутку. Молодой человек обвел своих подданных пронзительным взглядом, но едва он удалился через внутреннюю дверь, как в воздух взлетели и были ловко пойманы десять перьев, и десять молодых людей предались насмешливому ликованию, не обращая ни малейшего внимания на робкие попытки кроткого мистера Гилрея восстановить закон и порядок.

От конторы кабинет мистера Джона Гердлстона отделяли две двери: внешняя, из полированного дуба, и внутренняя, обитая зеленой бязью. Сам кабинет был неве-

лик, но с очень высоким потолком, а на стенах красовались модели кораблей в разрезе, прикрепленные к доскам, словно окаменевшие останки доисторических рыб в музеях. Между ними висели фотографии различных судов, принадлежащих фирме, а также карты, морские карты и расписания многочисленных рейсов. Большая акварель над камином изображала барк «Белинда», выброшенный на риф к северу от мыса Пальмас. Из подписи под этим творением искусства следовало, что оно принадлежит кисти второго помощника и было преподнесено им главе фирмы. По общему мнению, из-за этого крушения фирма понесла значительные убытки, и в том, что Гердлстон украсил свой кабинет напоминанием о столь печальном событии, многие усматривали лишнее доказательство его хладнокровия и железной воли. Эту точку зрения, однако, по-видимому, не разделял некий циничный служащий агентства Ллойда, который умудрился, ловко используя левое веко и правый указательный палец, дать понять совершенно недвусмысленно, что барк, возможно, был застрахован на значительно большую сумму, а убытки фирмы были не столь уж огромны.

Джон Гердлстон, сидевший в ожидании сына за квадратным письменным столом, несомненно, обладал незаурядной внешностью. Это суровое, худое лицо с резкими чертами и глубоко посаженными глазами говорило о сильном характере, который мог быть отдан служению как добру, так и злу. Он был брит, если не считать косматой бахромы седых бачков, соединявшихся с седыми волосами. По его непроницаемому лицу нельзя было прочесть решительно ничего, и свидетельствовало оно только о суровости и твердости, то есть о качествах, которые бывают свойственны и самым благородным натурам, и самым низменным. Быть может, именно благодаря этой неопределенности свет оценивал старого коммерсанта очень по-разному. Его считали фанатически религиозным, пуритански нравственным и щепетильно честным в делах.

И все же находились люди, которые относились к нему подозрительно, и никто, за исключением только одного человека, не мог бы назвать его другом.

Когда в кабинет вошел его сын, Джон Гердлстон поднялся и встал спиной к огню. Он был гораздо выше сына, но плотное сложение молодого человека свидетельствовало о большей силе, которая объяснялась не только разницей в возрасте.

В кабинете отца Эзра оставил саркастический тон, который находил наиболее удобным для бесед с клерками, и стал самим собой, то есть резким и грубым.

— Ну, в чем дело? — спросил он, бросившись в кресло и побрякивая монетами в карманах брюк.

— Пришло известие от «Черного орла», — ответил его отец, — оно отправлено из Мадейры.

— А! — оживившись, воскликнул младший партнер. — Ну и как?

— Идет как будто с полным грузом. Так по крайней мере сообщает капитан Гамильтон Миггс.

— Удивляюсь, что Миггс был способен хоть что-то сообщить. И еще больше удивляюсь тому, что вы ему верите, — раздраженно сказал младший партнер. Он же никогда не бывает трезвым.

— Миггс — хороший моряк, и его уважают на побережье. Возможно, он иногда забывает о воздержанности, но у нас у всех есть свои недостатки. Вот список грузов, заверенный нашим агентом. Шестьсот бочек пальмового масла...

— Цены на масло упали, — перебил Эзра.

— Они поднимутся еще до прибытия «Черного орла», — уверенно возразил старший партнер. — Кроме того, он везет большую партию кокосовых орехов, камедь, черное дерево, шкуры, кошениль и слоновую кость.

Молодой человек даже присвистнул от удовольствия.

— Тут старик Миггс не промахнулся, — сказал он. — Слоновая кость стоит очень высоко.

— Несколько выгодных рейсов нам совершенно необходимы, — заметил Гердлстон. — Последнее время в наших делах был неприятный застой. Однако печальное событие мешает нам испытать ту радость, которую доставило бы нам это известие. Три матроса скончались от злокачественной лихорадки. Имен их он не назвал.

— Черт подери! — воскликнул Эзра. — Мы-то хорошо знаем, что это означает. Три бабы, каждая с кучей ребятишек, будут торчать в конторе с утра до вечера и требовать пенсии. И почему это матросы не имеют обыкновения сами обеспечивать свои семьи?

Его отец неодобрительно поднял белую руку.

— Мне хотелось бы, — сказал он, — чтобы ты не говорил о столь священных предметах с таким легкомыслием. Семья, неожиданно лишившаяся кормильца... Что может быть печальнее? Я не в силах выразить, как мне это горько.

— Так, значит, вы собираетесь назначить пенсию вдовам? — осведомился Эзра с легкой улыбкой.

— Отнюдь, — без колебаний ответил его отец. — Фирма «Гердлстон и К°» это не страховая компания. Труженик достоин своего вознаграждения, но, когда он покидает наш мир, его семье следует рассчитывать лишь на то, что он сумел накопить благодаря трудолюбию и бережливости. Мы не можем назначить пенсии женам умерших матросов, потому что это создаст опасный прецедент и лишит их товарищей всякого желания откладывать деньги на черный день, а значит, косвенным образом явится поощрением порока и распущенности.

Эзра усмехнулся и громче забренчал мелочью и ключами в кармане.

— Однако я позвал тебя вовсе не для этого, — продолжал Гердлстон. Моим правилом всегда было ставить дела фирмы выше моих личных дел, какими бы неотложными эти последние ни казались. Меня известили, что Джон Харстон умирает и хотел бы повидаться со мной. Оставить в настоящее время контору для меня крайне неудобно, но

я чувствую, что долг христианина требует, чтобы я откликнулся на подобный призыв. Поэтому я прошу тебя заменить меня здесь на время моего отсутствия.

— Да неужели это правда? — удивленно воскликнул Эзра. — Наверно, произошла какая-то ошибка. Я же сам еще в понедельник разговаривал с ним на бирже.

— Это случилось очень неожиданно, — ответил отец, снимая с вешалки широкополую шляпу. — Однако сомневаться, увы, нельзя. Доктор говорит, что он вряд ли проживет до вечера. Какая-то форма злокачественного тифа.

— Вы же с ним старинные друзья? — заметил Эзра, задумчиво поглядывая на отца.

— С самого детства, — ответил тот с сухим покашливанием, представлявшим самую высокую ноту его ограниченной эмоциональной гаммы. Твоя мать, Эзра, умерла в тот самый день, когда у жены Харстона родилась дочь, — тому минуло уже семнадцать лет. А миссис Харстон скончалась через несколько дней после родов. Я не раз слышал, как он говорил, что, быть может, и нам с ним суждено вместе покинуть эту юдоль. Однако все мы в руке Всемогущего, и, по-видимому, он пока призывает к себе только одного.

— А кому достанутся его деньги, если доктора не ошиблись? — с интересом осведомился Эзра.

— Все получит девушка, — ответил коммерсант. — Она будет богатой невестой. Насколько мне известно, у него нет других родственников, кроме Димсдейлов. А они и так богаты. Однако мне пора.

— Ах, кстати, тиф ведь очень заразителен, верно?

— Да, так говорят, — спокойно ответил коммерсант и, твердым шагом пройдя через всю контору, удалился.

Оставшись в кабинете один, Эзра Гердлстон протянул ноги к огню и, глядя в пламя, задумчиво пробормотал:

— Папаша — настоящий кремень. А все же это наверняка задело его больше, чем он показывает. Само собой!

Единственный друг, который у него был на всем свете, а уж другим он больше не обзаведется! Впрочем, мне-то какое дело? — И, утешившись этой мыслью, он, насвистывая, принялся листать секретный журнал фирмы.

Возможно, что Эзра был прав в своем заключении, и невозмутимость сдержанного коммерсанта скрывала страдающее сердце, когда он подозвал извозчика и поехал в Фулем, где жил его друг. Они с Харстоном вместе учились в школе для бедных, вместе терпели тяготы в юности, вместе вырвались из нищеты и вместе разбогатели. В те дни, когда Джон Гердлстон был долговязым юнцом, а Харстон — круглолицым мальчишкой, этот последний привык смотреть на старшего товарища, как на своего защитника и руководителя. Бывают характеры паразитические по своей природе. Они чахнут в одиночестве и стремятся прилепиться к более сильной натуре, чтобы заимствовать чувства и мысли, так сказать, из вторых рук. Энергичный, деятельный ум со временем неизбежно собирает вокруг себя много других интеллектов, представляющих собой лишь слабую его копию. Вот почему с годами Харстон привыкал все больше и больше опираться на товарища своих школьных лет; он стремился привить многие из его суровых свойств своему простому и безвольному характеру, так что в конце концов превратился в нелепую пародию на оригинал. Для него Гердлстон был совершенством, поступки Гердлстона — единственно правильными, мнение Гердлстона — справедливейшим и непогрешимым. Сорок лет такой неизменной преданности не могли не произвести впечатления на Гердлстона, как бы он ни пытался это скрыть.

Харстон, неустанно трудясь и во всем себе отказывая, сумел основать экспортную торговую контору. В этом он последовал примеру своего друга. Однако интересы их столкнуться не могли, поскольку торговые операции Харстона ограничивались Средиземным морем. Его предприятие росло и процветало, так что в Сити на Харстона

посматривали с уважением. Его единственной дочери Кэт недавно исполнилось семнадцать. Близких родственников у него не было, если не считать доктора Димсдейла, преуспевающего врача, практиковавшего в Вест-Энде. Не удивительно, что деловитый Эзра Гердлстон (а вероятно, и его отец) заинтересовался тем, как умирающий распорядится своим состоянием.

Гердлстон распахнул железную калитку и быстро пошел по усыпанной песком дорожке. С безоблачных небес осеннее солнце лило золотые лучи на зеленый газон и пестрые цветочные клумбы. Воздух, листья, птицы — все говорило о жизни, и трудно было представить себе, что костлявая рука смерти уже готовилась опуститься на того, кому принадлежало все это. По ступенькам крыльца сходил невысокий толстяк в черном.

— Скажите, доктор — спросил коммерсант, — в каком положении ваш пациент?

— Неужели вы хотите увидеться с ним? — в свою очередь спросил доктор, с любопытством поглядывая на землисто-бледное лицо и кустистые брови Гердлстона. — Да, я как раз иду к нему.

— Это самая заразная форма тифа. Он может умереть в ближайший час, а может протянуть и до вечера, но надежды нет никакой. Боюсь, он вас не узнает, а помочь ему вы ничем не можете. Болезнь чрезвычайно заразна, и вы бесцельно подвергнете себя опасности. Настоятельно рекомендую вам отказаться от своего намерения.

— Однако, доктор, сами вы только что были у него.

— Но ведь это же мой долг.

— И мой, — решительно ответил коммерсант.

Поднявшись по каменным ступеням, он вошел в прихожую. Дверь в большую гостиную на первом этаже была распахнута, и посетитель увидел зрелище, которое заставило его на мгновение замедлить шаг. В нише окна сидела молодая девушка; ее миниатюрная гибкая фигурка поникла, руки были сцеплены на затылке, а локти опи-

рались о маленький столик, стоявший перед ней. Великолепные каштановые волосы падали густой волной на белые округлые руки, а изящный изгиб прекрасной шеи привел бы в восторг скульптора, который искал бы позу для статуи скорбящей Богоматери. Доктор только что сообщил ей страшную весть, и она еще переживала первый пароксизм своего горя — такого мучительного горя, которое, как понял даже не склонный к сентиментальности коммерсант, отвергает самую мысль об утешении. Однако находившаяся в комнате борзая, казалось, была иного мнения: во всяком случае, она положила передние лапы на колени своей молодой хозяйке и пыталась протиснуть узкую морду между ее руками, чтобы лизнуть ей лицо в знак собачьего сочувствия. Коммерсант постоял в нерешительности несколько секунд, а потом поднялся по широкой лестнице, распахнул дверь в спальню Харстона и вошел.

Жалюзи были закрыты, и в комнате царил темнота. В ней стоял едкий запах карболки, смешанный с кислотным тяжелым запахом болезни. Кровать находилась в дальнем углу. Еще не разглядев больного. Гердлстон услышал его хриплое, учащенное дыхание. Увидев посетителя, сиделка встала со своего места возле кровати, шепнула ему несколько слов и вышла из спальни. Гердлстон приоткрыл жалюзи, чтобы впустить в комнату немного света. Большая комната казалась унылой и голой, так как все ковры и занавеси были убраны, чтобы уменьшить возможность будущей инфекции. Джон Гердлстон тихими шагами приблизился к кровати и сел рядом со своим умирающим другом.

Страдалец лежал на спине, по-видимому, не сознавая, что происходит вокруг. Остекленевшие глаза были обращены к потолку, из полуоткрытых запекшихся губ вырывалось хриплое, прерывистое дыхание. Даже неопытный взгляд коммерсанта сразу различил, что над больным витает ангел смерти. Неуклюже, потому что нежность не